

RU

«Лёгкость бытия» в социокультурном контексте досоветской и советской эпох

Козлов С. А.

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению такого социокультурного феномена, как «лёгкость бытия», в контексте исторической и культурной динамики России в досоветский и советский периоды. Целью исследования является выявление особенностей, касающихся национальной ментальности и советского мировоззрения, а также устойчивых стереотипов их восприятия в отношении рассматриваемого феномена. В статье рассматривается преломление «лёгкости бытия» в жизни двух крупнейших сословий Российской империи – дворянства и крестьянства; в рамках перехода к советской эпохе и затем в культуре повседневности советского человека; а также в контексте отечественного искусства, массовой культуры XIX-XX веков. Научная новизна исследования обусловлена тем, что в работе определены наиболее выраженные особенности проявления «лёгкости бытия» в культуре двух рассматриваемых эпох. В результате заключается, что понятие «лёгкость бытия» многосторонне отразилось в культуре досоветской (его роль в становлении великой русской литературы XIX века, «Серебряного века», сохранении устойчивых семейных и других народных традиций, обращении к природе как источнику духовного исцеления) и советской эпохи («лёгкость бытия» как инструмент идеологического воздействия, элемент культуры советской повседневности, фактор развития художественной самодеятельности, музыкального искусства, традиционалистского мироощущения в рамках православной веры и даже его роль в приобщении к футболу).

EN

The “lightness of being” in the socio-cultural context of the pre-Soviet and Soviet eras

Kozlov S. A.

Abstract. The work is devoted to the consideration of such a socio-cultural phenomenon as “lightness of being” in the context of the historical and cultural dynamics of Russia in the pre-Soviet and Soviet periods. The aim of the study is to identify the features related to the national mentality and the Soviet worldview, as well as stable stereotypes of their perception in connection with the phenomenon under consideration. The paper examines how the “lightness of being” was interpreted in the life of the two largest social estates of the Russian Empire – the nobility and the peasantry; as a part of the transition to the Soviet era and then in the culture of everyday life of the Soviet people; as well as in the context of Russian art, mass culture of the 19th and 20th centuries. The scientific novelty of the study is accounted for by the fact that the work identifies the most pronounced features of the manifestation of the “lightness of being” in the culture of the two epochs under consideration. The results are as follows: the concept of the “lightness of being” was comprehensively reflected in the culture of the pre-Soviet (its role in the formation of the great Russian literature of the 19th century, the “Silver Age”, the preservation of stable family and other folk traditions, turning to nature as a source of spiritual healing) and the Soviet era (the “lightness of being” as an tool of ideological influence, an element in the culture of Soviet everyday life, amateur art, musical art, a traditionalist worldview within the framework of the Orthodox faith and even its role in introducing football).

Введение

«*Лёгкость*» (здесь и далее выделено в тексте. – С. К.) – это способность делать что-либо, не утруждаясь; свойство духа, богов и некоторых музыкантов. <...> В данном случае речь идёт о категории эстетики, не имеющей универсальной ценности. *Лёгкость есть качество, обратное тяжеловесности, серьёзности, солидности.* Она не то чтобы исключает трагичность – она не задумывается о трагичном или поднимается над ним»

(Кантов В. П. Лёгкость. 2015. <https://www.phildic.ru/legkost/>), – утверждается в современной литературе. Даже учитывая полуироничный характер этого вывода, он (наряду с другими близкими ему заключениями учёных) свидетельствует о явной недооценке данной категории применительно и к искусству, и к культурной жизни в целом. Рассмотрим некоторые аспекты указанной проблемы, обратившись к такому понятию, как «лёгкость бытия». Эта тема ещё не стала предметом комплексного научного анализа.

Термин «лёгкость бытия» прочно вошёл в современную культуру. Между тем, его скрытый смысл выступает в различных, зачастую неожиданных вариациях: и в повседневно-бытовом (эмоционально-психологическом) понимании, и в философско-экзистенциальном контексте (характерный пример – знаменитый роман М. Кундеры 1984 г. «Невыносимая лёгкость бытия» (СПб.: Амфора, 2000)), и при научном анализе в рамках культуры (эстетики) присутствия (Соловьёва, 2012; Заякин, 2011), и др.

Рассмотрим роль этого социокультурного понятия в динамике отечественной истории и культуры XIX–XX вв. Возможно, это позволит лучше понять некоторые важные особенности, касающиеся не только национальной ментальности и советского мировоззрения, но и устойчивых стереотипов их восприятия.

В соответствии с поставленной целью исследования, в статье выделяются следующие задачи: во-первых, показать, каким образом феномен «лёгкости бытия» преломлялся в культуре и жизни людей в досоветскую эпоху; во-вторых, определить особенности переживания «лёгкости бытия» как на индивидуальном, так и на коллективном уровне в советский период.

Решению выделенных задач способствует обращение к теоретической базе, представленной трудами философов, искусствоведов, культурологов, историков, посвящёнными освещению различных аспектов отечественной культуры, в которых можно увидеть отражение феномена «лёгкости бытия» (Аманжолова, Дроздов, Красовицкая и др., 2021; Барышева, 2020; Бочаров, 1956; Булдаков, 2012; Булдаков, Леонтьева, 2017; Дёмина, 2018; Демченко, 2017; 2020; 2021; Заякин, 2011; Ильин, 1993; 1994а; 1994б; Катасонов, 2020; Кондаков, Соколов, Хренов, 2011; Медушевский, 2016; Королевская, 2022; Миролюбова, 2011; Михайлин, 2016; Раку, 2009; 2018; Ремезова, 2021; Соловьёва, 2012; Феномен утопии..., 2021; Щёброва, 2020).

Обсуждение и результаты

Концепт «лёгкость бытия» занимает видное место в аксиологии традиционной русской ментальности, сохранившейся (в своих базовых основах) вплоть до наших дней. В научной литературе, в частности, отмечается: «Лёгкость во внутреннем состоянии человека положительно оценивается, но лёгкость в поведении и в мыслях обществом воспринимается плохо» (Григорьева, 2015, с. 10).

Во многих научных трудах современных учёных (прежде всего неолиберального направления) акцент делается исключительно на негативных моментах советского «мобилизационного проекта», связанного с воспитанием «нового человека»; при этом фактически игнорируются позитивные элементы советской ментальности (Михайлин, 2016), включая оптимизм социальной энергии и ощущение «лёгкости бытия», сыгравшие важную роль в подъёме и укреплении СССР в середине XX в., а также в Великой Отечественной войне (в последнем случае – в основном путём обращения к национальной памяти о предвоенном прошлом).

Для русской культуры вплоть до очередной «Смуты» 1917 г., сопровождавшейся глубинным социокультурным разломом личности, общества и государства, «лёгкость бытия» в основном проявлялась в среде дворянства. Именно представители этого сословия, как правило, обладали материальными и финансовыми возможностями, а также свободным от ведения хозяйства временем для того, чтобы проводить и жизнь, и досуг «легко», не слишком заботясь о «хлебе насущном». Такая аксиологическая установка основной части дворянства (было, разумеется, немало и помещиков-тружеников (Козлов, 2020, с. 5–182)) в итоге привела к противоречивым результатам.

С одной стороны, дворянское сословие к началу XX в. так и не смогло успешно адаптироваться к требованиям буржуазного рынка и проявить сполна свои пассионарные качества; но с другой – именно «лёгкость бытия» стала тем важным социокультурным элементом, который во многом сформировал и великую русскую литературу XIX в., и «Серебряный век» начала XX столетия. Её воспели в своих сочинениях и А. С. Пушкин, и А. А. Фет, и многие другие выдающиеся деятели отечественной культуры (Рудакова, Петров, Цуркан и др., 2022). В первой четверти XX в. наиболее ярко, глубоко и талантливо о «лёгкости бытия», пожалуй, высказался в целом ряде своих стихотворений О. Э. Мандельштам. В сокровищницу мировой литературы навсегда войдут его проникновенные строки:

«За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?»

Я и садовник, я же и цветок,

В темнице мира я не одинок» («Дано мне тело – что мне делать с ним...») (Мандельштам О. Э. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси: Мерани, 1990, с. 42).

Примечательно, что даже в «воронежский» период своей жизни (во многом драматичный для поэта) он создаёт удивительно светлые, жизнеутверждающие стихи, проникнутые – хотя и в ином, гораздо более «минорном» социокультурном контексте – всё той же эллинистичной «лёгкостью бытия», и при этом, как отмечал Ю. М. Нагибин, благословляя прожитую жизнь «с великим достоинством осознанной правоты» (1987, с. 21).

Вспомним также строки Е. А. Баратынского о том, что человек «к предвечному лёгкой душой возлетит, и в небе земное его не смутит» (Баратынский Е. На смерть Гёте. 1832. <https://klassika.ru/stihi/baratynskij/predstala-i-starec.html>)...

Тема «лёгкости бытия» зачастую находила отражение в творчестве русских поэтов в рамках пантеистического мировоззрения (Левит, 2021, с. 198). Наконец, в рамках православной аксиологии она убедительно, целостно и художественно-образно представлена в творчестве И. А. Ильина (1993; 1994а; 1994б). Если же иметь в виду «мир вещей» (во многом определяющий эстетические, эмоциональные и прочие установки личности), то самое интересное, содержательное и вместе с тем экзистенциально-проникновенное описание этого таинственно-неуловимого чувства (применительно к русской дворянской культуре) принадлежит перу В. В. Набокова. В романе «Другие берега» он, опираясь на воспоминания о своём светлом и счастливым детстве, изысканно-утончённо возродил удивительный предметный мир дворянской жизни – мир, полный красоты, тайны и очарования (Миролюбова, 2011).

Примечательно, что большинство окружающих юного Набокова предметов личного обихода было английского производства. Именно умение англичан доводить начатое дело до конца, причём крайне быстро и качественно, – умение, воплощённое в высочайшем профессиональном и эстетическом уровне многих британских бытовых вещей, – вызывало у наших соотечественников чувство глубокого уважения, способствовало созданию в России одного из ключевых элементов позитивного «образа заграницы» в XIX – начале XX в. (Козлов, 2015, с. 36-73, 135-218).

Разумеется, «лёгкость бытия» была теснейшим образом связана с сохранением устойчивых семейных традиций (Нежданый, как цветок..., 2020). Отмеченное явление во многом связано и с тем, что это чувство – неотъемлемый атрибут традиционной Семьи и Любви в качестве основ людского бытия (Ремезова, 2021; Рудакова, Петров, Цуркан и др., 2022).

«Лёгкость бытия» нашла отражение и в традиционной культуре русского крестьянства XIX – начала XX в. Разумеется, это были лишь отдельные случаи, поскольку крестьянская жизнь всегда оставалась крайне тяжёлой: изматывающий труд, постоянная борьба с природными стихиями, произвол властей, жёсткий налоговый пресс и другие невзгоды не позволяли воспринимать жизнь как праздник. Однако и здесь имелись исключения. Так, ярко проявлялся творческий потенциал крестьянского труда. Он был тесно связан с восприятием Природы: «...приход весны вызывает бодрость, удовольствие, подъём духа, забвение горечей жизни, – отмечал серпуховский крестьянин С. Т. Семёнов. – Полный радости идёшь в поле, уставляешь плуг на первую борозду, трогаешь лошадь... и каждый отворачиваемый тобою пласт бывает не менее приятен и интересен, как переворачиваемый лист талантливой книги...» (Семенов С. Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг.: Жизнь и знание, 1915, с. 55).

Именно обращение к целительному катарсису Природы, теснейшим образом связанное с волнующим ощущением «лёгкости бытия», выступало для многих людей XX столетия мощным импульсом духовного возрождения. Так, выдающийся учёный П. А. Сорокин, описывая своё детство среди крестьян коми, отмечал: «Я счастлив, что имел возможность жить и расти в этой природной стихии до того, как её разрушили индустриализация и урбанизация» (Сорокин П. А. Дальняя дорога: автобиография. М.: Терра, 1992, с. 13).

Эта установка нашла отражение и в православной аксиологии: так, П. А. Флоренский отмечал в одном из своих писем жене с Соловков 22 янв. 1935 г.: «Природа – лучшая очистительница». «...» Мысли и понимание растут и зреют, как растение... Главное, не торопись и спокойно взирай на свой собственный рост. ... всё придет в своё время» (Флоренский П. Письма из Соловков // Наше наследие. 1988. № IV, с. 117).

Отметим, что подавляющее большинство населения императорской России, включая дворян и крестьян, невзирая на то, имелись или нет у них объективные условия и внутренняя социокультурная установка на «лёгкость бытия», вплоть до трагических событий Первой мировой войны было верно традициям православной веры, воспринимая свой жизненный путь прежде всего как Служение (Коваль, 1994).

При этом уже в самом начале XX в. наиболее дальновидные представители двух ведущих сословий огромного аграрного мира дореволюционной России (крестьянства и поместного дворянства) начинают воплощать идею творческого синтеза Традиции и Новации на практике, всё глубже осознавая общность хозяйственных интересов, хотя вся предыдущая история, казалось бы, нацеливала их исключительно на конфронтацию.

Характеризуя эти духовно-нравственные и хозяйственные приоритеты, выдающийся философ А. Ф. Лосев (1990) отмечал, что настоящий патриот знает и любит «своё родное» (что его породило), – поэтому он рад и борьбе, и страданиям, и радостям, и жизненному труду, ибо тем самым выражает себя, обретая спокойствие перед смертью.

В то же время полноценной реализации этой установки препятствовали многие факторы, включая и отсутствие в России традиций гражданского общества, и патернализм, и социальную и хозяйственную пассивность значительной части населения. Как подчеркнул выдающийся философ и рационализатор дореформенной эпохи А. С. Хомяков, русское общество и апатично, и сонливо, – поэтому необходимо «ошеломлять» людей, пробивая кору их «безмыслия» и «умственного бездействия» (Цит. по: Кошелев, 2002, с. 349). Этот вывод относится и к другим периодам исторического пути России.

В начале XX в. «лёгкость бытия» ярко проявилась в таком явлении «массовой культуры», как русское кабаре (в отличие от отечественной шоу-индустрии рубежа XX-XXI вв., во многом опиравшемся на музыкальные традиции).

Советская эпоха внесла кардинальные изменения в переживание «лёгкости бытия» как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. «Победа большевиков означала полный разрыв с исторической традицией, прежде всего духовной и культурной, – отметил В. В. Шелохаев. – После 1917 г. сохранилось лишь самоназвание “Россия”, однако по всем другим критериям и признакам это была принципиально иная страна» (2010, с. 140); см. также работы (Булдаков, Леонтьева, 2017; Аманжолова, Дроздов, Красовицкая и др., 2021).

Революция как «грабёж судьбы» (М. М. Пришвин) для многих людей из «классово чуждых» пролетарской республике сословий и одновременно как шанс на хозяйственный и социокультурный подъём для рабочих и крестьян резко изменила и жизнь, и установки, и психологию общества. Лишения, фрустрации и утраты Гражданской войны ещё более усугубили ситуацию (Гавриков, Кихней, 2020).

Со второй половины 1920-х гг. ощущение «лёгкости» бытия начинает усиленно внедряться большевистскими властями в массовое сознание населения (прежде всего рабочих и крестьян), вскоре превратившись в важнейший инструмент идеологического воздействия (Барышева, 2020; Бочаров, 1956; Бурматов, 2021; Дёмина, 2018; Демченко, 2017): необходимо было, с одной стороны, прославлять достижения советской эпохи (как подлинные, так и мнимые), с другой – отвлекать мысли, чувства и помыслы людей от негативных явлений и процессов сталинизма (прежде всего массовых репрессий и низкого уровня жизни). Особое внимание при этом уделялось литературе и кинематографу, а также массовому хоровому искусству как идеологическому инструменту восстановления утраченного в годы «Русской Смуты» ощущения народного единства, но уже на новой идейной основе (Соленкова, 2015, с. 186).

У многих интеллигентов эта установка вызывала отторжение, неприятие, нередко горькую иронию и сарказм. Так, показательны поэтические строки, написанные в 1929 г. талантливым двадцатилетним поэтом Владимиром Щиrowsким, тремя годами ранее «вычищенным за сокрытие соцпроисхождения» (когда он родился, его отец был царским сенатором в отставке) из ленинградского вуза:

«Слышу: ораторы звонко орут
Что-то смешное про волю и труд.
Вижу про вред алкоголя плакат,
Вижу, как девок берут напрокат,
И осязаю кувалду свою...
Граждане! Мы в социальном раю!
...Вот оно, счастье: глубоко оно,

Ровное наше счастливое дно» («Счастье») (Щиrowsкий В. Стихотворения / публ. Е. А. Евтушенко // Огонёк. 1989. № 36, с. 16).

Вместе с тем на бытовом уровне «лёгкость бытия» спорадически проявлялась на всём протяжении советской эпохи. Это явление было связано не только с подмеченной Щиrowsким обывательской установкой (которую А. И. Демченко (2020) метко характеризует применительно к общим особенностям эпохи как «материально-вещную приземлённость»), но и с индивидуальным личностным мироощущением (впрочем, зачастую проникнутым трагическими нотами: О. Э. Мандельштам, Д. Л. Андреев и др.), а также с оптимистично-коллективным пафосом строительства «нового мира» в рамках грандиозного советского мобилизационного проекта, что нашло яркое отражение в советской культуре (Барышева, 2020; Бурматов, 2021; Дёмина, 2018), прежде всего в литературе и кинематографе.

«В советском человеке... было стремление к звёздам, к бесконечности. <...> Тогда была большая мечта, было ощущение движения, – отмечает исследователь В. Ю. Мельников. – И вот этого ощущения движения... нам сегодня катастрофически недостает. Россия всё время ждёт большого общего дела – того дела, которое может оживить и одухотворить её пространство, собрать людей» (2018, с. 69-70).

Л. А. Аннинский, признавая своё поколение в качестве «поколения последних романтиков», вместе с тем отмечал: «Вопрос не в том, чтобы избежать ада, а в том, чтобы выдержать испытание. Поэтому я и думаю, что человек должен понимать и слышать гул, зов времени, то, что всеми овладевает. В обществе всегда есть драматичная или гармоничная готовность к общему переживанию» (Флаг А. Лев Аннинский: «Слово не приходит без музыки» // Учительская газета. 2010. № 48 (30 ноября). <https://ug.ru/lev-anninskij-slovo-ne-prihodit-bez-muzyki/>).

Отдавая должное оптимизму и жизнелюбию миллионов создателей советского строя (без героических трудовых и воинских усилий которых оказалась бы невозможной Великая Победа над фашизмом), всё же отметим, что их культура повседневности (включая и «лёгкость бытия») долгие годы развивалась в отрыве от русской национальной традиции, к патриотическим ресурсам которой власти были вынуждены обратиться лишь под угрозой фашистской оккупации, в целях мобилизационного сплочения населения. При этом партийное и государственное руководство всячески поддерживало и одновременно «направляло» позитивные настроения, тесно связанные с советской идеологией; праздники выступали как «коммуникативный проект» власти и общества (Барышева, 2020). Вместе с тем празднества воплощали и характерные особенности национальной ментальности, включая иллюзорную мечтательность – ещё одну сторону «лёгкости бытия»: так, посетивший Советскую Россию в 1921 г. французский социалист А. Моризэ спустя два года отмечал в своей книге, что Россия является нацией страстных взрослых детей, легко поддаваясь «волнениям сцены». Лишь спустя несколько лет «угар» очередной «Русской Смуты» начал проходить, – но было уже поздно: Революция как «гроза преобразующая» (К. Д. Бальмонт) разрушила и державу, и общество, и человеческую душу...

Полноценной творческой реализации в этот период по-прежнему препятствовала политика властей, ограничивавшая частную инициативу и пассионарные устремления. Отмеченная тенденция проявлялась, впрочем, **в любые** исторические эпохи: так, выдающийся мастер русского слова В. Н. Крупин отмечал: «Власти говорят о поддержке талантов. Но если талант искренен, народен, то он обязательно противоречит тем, кто его собирает поддержать. <...> Православие никогда не ставило задачи сделать жизнь людей легче. Для православия главное, чтобы человек стал лучше. А станет лучше, то и любая жизнь ему будет хороша» (Крупин В. Море житейское. М.: Институт русской цивилизации, 2016, с. 87, 83). В свою очередь, Н. А. Бердяев подчёркивал, что истинный центр культуры находится не в столице, не в провинции, а **в глубине личности**.

Возникает вопрос: каким же образом государственная политика отражалась на ощущении «лёгкости бытия», в данном случае – в советскую эпоху? Данное воздействие проявлялось по-разному. Отметим, что большевистские власти многие годы целенаправленно подавляли религиозную жизнь, унижая и преследуя верующих и запрещая церковные праздники. Это было отнюдь не случайно: как отмечал позже в своей книге «Музыка как судьба» великий композитор Г. В. Свиридов, верующим человеком не так уж легко управлять, ибо он в душе имеет «крепость Веры» (Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002, с. 499).

Богоборческая политика крайне негативно отражалась на мироощущении множества людей; «лёгкости бытия» (в бытовых проявлениях православной антропологии, а также у верующих в рамках других религиозных культов) при этом хотя и не исчезала напрочь, но существенно деформировалась, зачастую приобретая печальный либо трагический характер.

Между тем жизнеутверждающая аксиологическая установка является важнейшим элементом православной веры; об этом свидетельствуют самые различные источники, включая благодарственный акафист Спасителю «Слава Богу за всё», написанный митрополитом Трифоном (в миру – Б. П. Туркестановым) в тяжелейшем для России 1929 г., когда власти начали насильственную массовую коллективизацию, сопровождавшуюся фактической ликвидацией наиболее предприимчивой части крестьянства. Примечательно, что даже в это время «лёгкости» придавалась особая роль: как отмечал в 1937 г., уже находясь в эмиграции, видный деятель российской кооперации С. С. Маслов, главные усилия советских функционеров в аграрной сфере были направлены на то, чтобы обеспечить регулярное, многолетнее и притом *лёгкое* «отчуждение» у крестьян продуктов сельского хозяйства. Впрочем, это было в известной мере и зеркальное историческое и метафизическое «воздаяние» крестьянству в ответ на его массовое стремление к «лёгкой наживе» в 1917-1921 гг., сопровождавшееся варварским уничтожением уникального мира русской усадебной культуры.

Обратим особое внимание на концепт «лёгкость бытия» как важный элемент большевистской Утопии, особенно в период 1919-1929 гг. (до начала массовой коллективизации). Отчасти следуя многовековым традициям крестьянских утопий, большевики рассматривали кардинальное «переустройство» и человека, и общества как задачу, с одной стороны, неизбежную, а с другой – вполне посильную (в известном смысле «лёгкую»), особенно для «освобождённых от власти капитала» рабочих и крестьян (Аманжолова, Дроздов, Красовицкая и др., 2021; Феномен утопии..., 2021). При этом «лёгкость бытия» проявлялась в самых неожиданных, зачастую утопично-авантюрных формах: так, отметим характерные для первых «послеоктябрьских» лет выводы молодого А. П. Платонова, согласно которым природа является «белогвардейцем», ведущим наступление на Россию, и её тоже можно и нужно *победить* как косное, враждебное человеку стихийное начало (Платонов А. П. Земчека (Черный Реввоенсовет). 1922. <http://platonov-ap.ru/publ/zemcheka>). Ключевое значение придавалось «лёгкому» (но, заметим, отнюдь не гуманному и для Природы, и для социума) синтезу Мечты и Насилия (Барышева, 2020; Булдаков, 2012; Булдаков, Леонтьева, 2017). Такое утилитарно-бездушное отношение к Природе кардинально противоречило русской православной традиции (Катасонов, 2020, с. 28).

Примечательно, что с 1924 г. такой инструмент, как гармоника, «противопоставлялся – то позитивно, то негативно – старорежимному “интеллигентскому” пианино и еще более одиозному (“королевскому” по своей этимологии и “буржуазному” с точки зрения его бытования и доступности) роялю, а также “мещанской” гитаре» (Раку, 2018, с. 39).

Сокрушительный удар по «лёгкости бытия» как проявлению массового сознания нанесли в XX в. войны – вначале Первая мировая, затем Гражданская, наконец, Великая Отечественная. «Войны прошли по нашей земле, как ни по одной другой европейской стране. Когда летишь над ближним Подмосковьем и над прилегающими к Московской области районами, постоянно видишь заброшенные деревни. Люди там уже не живут, и единственное, что связывает с прошлым, единственное, что относится к памятникам архитектуры и культуры – это деревенские храмы. Но если бы вы видели, в каком состоянии находятся многие из них! – отмечал сравнительно недавно, в 2019 г., Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. – ...как же мы хотим воспитывать национальное самосознание, укреплять связь времён в умах молодежи? Ведь нужно что-то показывать, о чём-то рассказывать, а уже сейчас показывать почти нечего, и то, что стоит, находится в руинированном состоянии. Мы подсчитали, что более четырёх тысяч храмов сегодня нуждаются в срочном ремонте или, по крайней мере, в консервации... И если мы хотим, чтобы наши потомки относились с вниманием ко всему, что мы делали, говорили, творили, то мы должны проявить заботу о сохранении того, что героически совершали наши предки» (Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании II съезда Общества русской словесности. 06.11.2019. <http://www.patriarchia.ru/db/text/5527249.html>).

Выделим также характерное для советских граждан «коммунальное бытие». В нём, бесспорно, были позитивные моменты, включая зачастую сближавшие соседей коллективизм, взаимопомощь и сострадание (вспомним хотя бы кинофильм Л. А. Кулиджанова «Дом, в котором я живу» 1957 г., телефильм М. М. Козакова «Покровские ворота» 1982 г. и одну из песен-баллад В. С. Высоцкого (Высоцкий В. С. Баллада о детстве // Высоцкий В. С. Поэзия и проза. М.: Книжная палата, 1989)). Вместе с тем для целого ряда интеллигентно-пассионариев (в основном интровертов) советское коммунальное существование, по существу, превратилось в многолетнее мучение (Бродский И. А. Полторы комнаты. Автобиографическая проза // Новый мир. 1995. № 2. <https://magazines.gorky.media/library/iosif-brodskij-poltory-komnaty>). В условиях, когда автономность личности оказывалась эфемерной, не было места ни её свободному развитию, ни полноценному, устойчивому ощущению «лёгкости бытия»...

У множества других обитателей «коммуналок» сформировалась безропотно-покорная жизненная установка: так, И. А. Бродский (1995) с любовью и одновременно горькой печалью вспоминал о своих родителях:

«Они всё принимали как данность: систему, собственное бессилие, нищету, своего непутёвого сына. Просто пытались во всём добиваться лучшего: чтоб всегда на столе была еда – и чем бы еда эта ни оказывалась, поделить её на ломтики; свести концы с концами...». Как отмечал И. А. Бродский (1995), ему с родителями ещё повезло: в «крохотной» коммуналке вместе с ними жили всего 11 человек (обычно – 25-50), причём лишь одна из них (женщина-хирург) была доносчицей – «неплохое для коммуналки соотношение». В то же время, по его мнению замечанию, именно коммунальные квартиры, в которых жили миллионы советских граждан, выполняли следующую экзистенциальную миссию: они разрушали «любые иллюзии относительно человеческой природы», тем самым невольно возвращая человека к «племенным» (предцивилизационным) основам его существования (Бродский, 1995). Какая уж здесь «лёгкость бытия»!.. Если она и проявлялась, то почти всегда – лишь у молодых людей, что было связано в основном с иллюзиями и надеждами юности (образ Костика в «Покровских воротах»).

Наше обращение к образу главного героя телефильма М. М. Козакова (блестяще воплощённого О. Меньшиковым) не случайно. Ощущение «лёгкости бытия» (как экзистенциально-глубинное, так и эмоционально-чувственное) нередко было обусловлено вполне «банальным», но вместе с тем крайне значимым для любого человека фактором – его возрастом (Лишаев, 2022). Этот момент косвенно нашёл отражение и в музыкальном творчестве: так, во втором концерте для фортепиано с оркестром Б. А. Сосновцева 1990 г. важную роль играет «образ беззаботной юности», позволяющий воссоздать экзистенциальное противостояние Человека и Времени (Королевская, 2022, с. 289).

При этом власть, как правило, жёстко контролировала отмеченные социокультурные процессы, с одной стороны, культивируя «советскую лёгкость бытия» (Раку, 2009), порою сознательно далёкую от реальной жизни (характерный пример – замечательная кинокартина-лубок 1949 г. «Кубанские казаки» Ивана Пырьева), а с другой – отсекая «буржуазные» (зарубежные) проявления этого явления (борьба со «стилягами» и пр.). В современной научной литературе сделан даже вывод о том, что «в послевоенные годы в музыкальной сфере основной проблемой был вопрос о “лёгкой музыке” во всех её проявлениях и танцах» (Соленкова, 2015, с. 185). Это заключение, однако, нуждается в дополнительной аргументации.

Вместе с тем многие «культурные атрибуты» советской эпохи вызывают в наши дни острое чувство своеобразной ностальгии и по утраченной молодости, и по отношениям в социуме, вплоть до конца XX в. лишённым жёсткого прагматизма «постиндустриальной» эры (не случайно В. П. Визгин выделяет резонанс (духовную коммуникацию) в качестве ключевого способа «жизни культуры»), и даже по тактильным ощущениям, теснейшим образом связанным с чувством «лёгкости бытия» (Убогий, 2018, с. 8, 9, 12, 19-20). Случаи явной идеализации «советского прошлого», однако, при этом единичны и нередко опираются на глубинные идеологические стереотипы, заявившие о себе в первые десятилетия после окончания Великой Отечественной войны (Бочаров, 1956).

Сыграли свою отрицательную роль и социокультурные последствия пресловутой «шоковой терапии» конца XX в. – ещё одного грандиозного социального эксперимента властей над гражданами России (Пихоя, Журавлев, Соколов, 2011).

Вместе с тем наблюдалось парадоксальное явление: именно в конце советской эпохи, невзирая на обострение множества проблем социума (хозяйственных, бытовых, экологических и духовно-нравственных), концепт «лёгкость бытия» переживал расцвет в сфере культуры. Отметим прежде всего достижения выдающихся режиссёров-кинематографистов: им удалось воплотить эту тему в самых разнообразных творческих вариациях – от озорных «народных» комедий Леонида Гайдая («Гайдай умел эксцентрическую комедию превратить в общечеловеческую», – отмечал Александр Зацепин (Цит. по: Цымбал Е. От смешного до великого. Воспоминания о Леониде Гайдае // Искусство кино. 2003. № 10 (октябрь). <https://old.kinoart.ru/archive/2003/10/n10-article20>); см. также работу (Сундукова, Попов, 2021, с. 285-286)) до умудрённо-экзистенциальных, тревожащих, но вместе с тем светлых и гуманистичных фильмов Эмиля Лотяну (Фёдоров, 2022). Именно ощущение «лёгкости бытия» в этих кинолентах оказалось тем важным элементом, который способствовал и самореализации личности героев, и выражению новых социокультурных запросов и потребностей, а иногда (видимо, интуитивно) отражению нарастающего недовольства людей «пассионарного склада» против диктата советской идеологии (что чётко видно в работах того же Гайдая). Истоки подобного подхода прослеживаются, впрочем, уже в лирических кинокартинах 1960-х гг. (Щеброва, 2020).

Музыкальное воплощение «лёгкости бытия» в рассматриваемый период тоже впечатляет и восхищает: достаточно вспомнить творчество Валерия Гаврилина, Андрея Петрова, Исаака Шварца, Евгения Доги и других замечательных композиторов. У каждого из них была своя, неповторимая интонация «лёгкости бытия»: то радостная, то печальная, то трагичная...

В этих произведениях, конечно же, нашла отражение и сама эпоха, но главное – *свободный творческий дух* мастеров-созидателей. Е. Б. Долинская, обращаясь к эпистолярному диалогу выдающихся подвижников музыкальной культуры, подчёркивает: «Они прекрасно понимали, что определяющим становится то, что ты делаешь сам, а не то, что время и социум делают с тобой (то есть обществом выдвинутое и навязанное ощущение). <...> Слонимский и Денисов прекрасно знают цену, которую приходилось платить за жизнь в несвободной России. При этом в мире музыки каждый из них чувствовал себя абсолютно свободным» (2019, с. 7). Как нам представляется, такая установка (существенно отличающаяся от современных профессиональных, духовных и гражданских императивов (Попов, 2021, с. 31-33)) была присуща и ряду других (в т. ч. вышеупомянутых) деятелей советской культуры, сознательно и мужественно избежавших «доктринального плена» идеологии.

Нельзя не отметить и многочисленные произведения в рамках нового музыкального жанра, возникшего в годы «хрущёвской оттепели» и стремительно набравшего популярность в последующие десятилетия, –

жанра авторской песни, тесно связанного с увлечением таким инструментом (напомним, с середины 1920-х гг. нещадно критикуемым советской пропагандой), как гитара (Кудряшёв, 2021; Раку, 2018). В итоге и интонации, и глубинный смысл «лёгкости бытия» даже на «музыкально-бытовом» (повседневном) уровне заметно меняются; усиливаются элементы как лиризма, так и медитативности, размышления.

Отметим и ещё одно массовое социокультурное явление, отчасти отразившее ощущения «лёгкости бытия», – художественную самодеятельность: именно через песню и танец люди тех лет нередко обретали исковое чувство *сопричастности*.

В художественной литературе выделим произведения Олега Куваева, прежде всего его роман «Территория» и самобытные рассказы. В них ярко и мощно проявился «куваевский» лиризм, проникнутый любовью к Природе, поиском собственного «Я», а применительно к нашей теме – лёгкими флюидами «умудрённости бытия», как отмечал он сам, описывая свои таёжные странствия (Куваев О. М. Дом для бродяг // Куваев О. М. Дневник прибрежного плавания. М.: Физкультура и спорт, 1988, с. 206). При этом писатель не раз признавался, что его личные симпатии отданы отнюдь не «горожанам» (по его убеждению, зачастую подверженным суете, погоне за «благами» и карьерой, конформизму и притом склонным к «сытому» комфорту), а людям, живущим «на окраинах» государства, – простым и скромным труженикам, сохранившим «тихий свет» в душе (Куваев, 1988, с. 194, 200)...

Отметим ещё один, крайне важный момент.

Практически все художественные произведения разных жанров, созданные к концу советской эпохи и в которых так или иначе нашла отражение затронутая здесь тема, *воспитывали* человека, *преображая его душу*, побуждая к поиску, размышлению, сопереживанию, катарсису.

Этот уникальный социокультурный опыт ещё ждёт своего исследования в контексте междисциплинарного научного подхода. Выделим существенный вклад А. И. Демченко в начало комплексного изучения данной темы. Так, отмечая в качестве характерной особенности общественных настроений в СССР 1960-х гг. «радикализм романтических устремлений» в контексте «желания кардинального переустройства жизни» (Демченко, 2021, с. 418), он обращает внимание на их коренную трансформацию уже в следующее десятилетие: 70-е гг. XX в. были отмечены, с одной стороны, утратой иллюзий и надежд, а с другой – отходом «от крайностей радикализма и субъективизма» (Демченко, 2021, с. 419). Автор подчёркивает: «Теперь искусство начинает тяготеть к более реальному и объективному видению жизни, к более естественным и уравновешенным проявлениям. Это могло происходить и на удерживаемой романтической основе, но с возвращением к традициям и с возрождением позитивно-утверждающих опор. Так возник неоромантизм. Наиболее отчётливое выражение он получил в музыкальном искусстве. В произведениях подобного рода подчёркивалась эмоциональная теплота, душевная открытость, что находило себя в красивой и мягкой мелодической пластике, в обращении к давно апробированным лирическим жанрам (таким, например, как романс, вальс, элегия) и порой в прямом соприкосновении с тем или иным стилем XIX века – чаще всего в созвучии с тем, что делал когда-то Шуберт, Мендельсон, Чайковский» (Демченко, 2021, с. 419).

Добавим, что в данном случае и «лёгкость бытия» в советском музыкальном искусстве зачастую выступала уже в принципиально ином (медитативно-философском и даже трагическом) контексте: изменилась эпоха, а с нею – и сам социум, в глубинах которого подспудно «вызревали» тревожные ожидания грядущих перемен. Даже в «лёгком жанре» инструментальной музыки и «музыки кино» оптимистичные, жизнерадостные установки всё чаще соседствовали с мотивами размышлений, экзистенциальной печали, поиском утраченных в советскую эпоху и принесённых в жертву Идеологии национальных констант жизни и бытия (И. И. Шварц, Е. Д. Дога и др.).

Одновременно трансформировалась и сама тема «лёгкости бытия», приобретающая (наряду с музыкальными произведениями 60-80-х гг. XX в., посвящёнными теме Революции (Демченко, 2017, с. 112)) творческий полифонизм, зачастую – экзистенциально-философское звучание. Великая витальная сила Искусства словно заранее готовила людские сердца к стремительно надвигающимся на них испытаниям конца XX столетия, создавая «стратегический запас» доброты и милосердия в преддверии «лихих девяностых»...

Заключение

На наш взгляд, в дальнейшем необходим подробный музыковедческий анализ многогранного отражения «лёгкости бытия» в советской массовой песне 50-80-х гг. XX в.: она, как отмечала Т. В. Чередниченко (1999), была сформирована из множества источников, включая крестьянско-фольклорные, еврейские, «цыганско-шантанские», «маршево-солдатские» и др. Именно этот фактор, возможно, стал одним из ключевых элементов исключительной популярности массового песенного творчества накануне крушения СССР.

Вместе с тем «лёгкость бытия» проявлялась в советскую эпоху и как неотъемлемый элемент *традиционалистского мироощущения*, в частности в контексте православной антропологии (Измайлов, Кекова, 2019). Эта аксиологическая установка вполне естественно воспринимается как проявление Чуткости восприятия (Чуткости слуха) – ключевого условия «непрестанного искания красоты» (Медушевский, 2016), а следовательно, – поиска Гармонии. Речь идёт фактически о вечном поиске смысла человеческого существования – поиске, неотделимом и от светло-лёгкого, и от тяжко-трагичного движения самой Жизни... Такая установка органична для человека традиционного мировосприятия: «...музыка преобразует мир дивным единством живущего и жизни» (Медушевский, 2016), отсюда – и способность творческого восприятия «легкокрылого полёта ангельских сил» (Медушевский, 2016); см. также работу (Кондаков, Соколов, Хренов, 2011).

На протяжении всей советской эпохи важную социокультурную роль для миллионов советских людей играл футбол, выступая уникальным источником самого широкого спектра эмоций (а порою и катарсиса); формируя не только культуру чувств, но и особую мифологию (Рачин, 2011; Симонян, 2018). Применительно к теме нашего исследования отметим, что именно благодаря как личному участию в этой демократичной (доступной всем) игре, так и сопереживанию с нею в качестве болельщиков множество людей в СССР приобщилось к «лёгкости бытия», особенно в 1950-х гг. (в период расцвета «романтического футбола», зрелищного и радостного). Вместе с тем имела место и противоположная тенденция: футбольная «лёгкость бытия» эмоционально отчасти возмещала советскому человеку ограниченность «социальных лифтов» как возможности более полной самореализации, а также дарила пусть кратковременное и неосознанное, но освобождение от засилья пропаганды и идеологии.

Источники | References

1. Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Красовицкая Т. Ю., Тихонов В. В. Советский национальный проект в 1920-1940-е гг.: идеология и практика. М.: Новый хронограф, 2021.
2. Барышева Е. В. Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества, 1918-1941 гг.: дисс. д. ист. н. М., 2020.
3. Бочаров А. Г. Советская массовая песня. М.: Советский писатель, 1956.
4. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930. М.: РОССПЭН, 2012.
5. Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: ИстЛит, 2017.
6. Бурматов М. А. Тема труда в советской массовой песне 1930-х гг. // *Philharmonica.International Music Journal*. 2021. № 6.
7. Гавриков В. А., Кихней Л. Г. «Кабачкий локус» в русской поэзии XX века: статья вторая // *Новый филологический вестник*. 2020. № 2 (53).
8. Григорьева Т. В. Аксиологические особенности оппозиции «легкий – тяжёлый» в русском языке // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология*. 2015. № 2 (34).
9. Дёмина В. Н. Музыка победных праздников в динамике отечественной культуры (XVIII – начало XXI в.): дисс. д. иск. Ростов-н/Д, 2018.
10. Демченко А. И. Иллюзии и аллюзии. Мифопоэтика музыки о Революции. Исследование. М.: Композитор, 2017.
11. Демченко А. И. Модерн III (вторая половина XX века) – магистрали художественного творчества // *Манускрипт*. 2021. Т. 14. Вып. 3.
12. Демченко А. И. Наш Кассиль. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, 2020.
13. Долинская Е. Б. Эпистолярные диалоги (Кандинский – Шёнберг, Денисов – Слонимский) // *Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания*. 2019. № 1 (3).
14. Заякин А. М. От культуры значения к культуре присутствия // *В мире научных открытий*. 2011. № 11-3 (23).
15. Измайлов Р. Р., Кекова С. В. Одухотворение повседневности: быт и бытие в дневниках Б. Шергина и мемуарной прозе С. Дурылина // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19. Вып. 1.
16. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994а. Т. 3.
17. Ильин И. А. Россия в русской поэзии // Ильин И. А. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М.: Искусство, 1993.
18. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994b. Т. 3.
19. Катасонов В. Н. Святая Русь и Советская Россия: проблема наследования культурных ценностей // *Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы*. Саратов, 2020. Т. XI / ред.-сост. А. И. Демченко.
20. Коваль Т. Б. Тяжкое благо: христианская этика труда. Православие. Протестантизм. Католицизм. Опыт сравнительного анализа. М.: ИЭИА, 1994.
21. Козлов С. А. Русские люди об англичанах в XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2015.
22. Козлов С. А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820-1930 гг.): в 3-х т. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. Т. III.
23. Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011.
24. Королевская Н. В. Слово и музыка: онтологические основы смыслообразования: дисс. д. иск. Саратов, 2022.
25. Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812-1883 гг.). М.: Наука, 2002.
26. Кудряшёв А. В. Поп-музыка в повседневности советских подростков 1960-1970-х гг. (по материалам периодической печати) // *Пространство и время в диалоге педагогических культур: интересубъективность историко-педагогического понимания: сб. науч. тр.* Волгоград, 2021.
27. Левит С. Я. Поэтические интуиции и философские мотивы поэзии мысли // *Вестник культурологии*. 2021. № 1.
28. Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). СПб.: Алетейя, 2022.

29. Лосев А. Ф. Родина (очерк) // Литературная газета. 1990. № 4 (24 янв.).
30. Медушевский В. Евангелие как сущность божественной красоты музыки. 2016. <https://www.musnotes.com/v-v-medushevsky/Medushevsky3/>
31. Мельников В. Ю. Развитие института прав человека в России. Ростов-н/Д: Фонд науки и образования, 2018.
32. Миролюбова Л. Р. Вещь как социокультурный феномен. Саратов: Наука, 2011.
33. Михайлин В. Ю. Ex sinere: проект «советский человек» из перспективы post factum // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 4 (108).
34. Нагибин Ю. «Услышать ось земную» // Смена. 1987. № 4.
35. «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют..»: семейный дискурс русской и мировой литературы / науч. ред. Е. М. Болдырева. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020.
36. Пихоя Р. Г., Журавлев С. В., Соколов А. К. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991-1999 гг. М.: Новый хронограф, 2011.
37. Попов Д. А. Современное искусство в аксиологическом аспекте // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2021. № 1 (11).
38. Раку М. Г. Поиски советской идентичности в музыкальной культуре 1930-1940-х годов: лиризация дискурса // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100).
39. Раку М. Г. Путь к «культурности» в советском обществе: от гармошки к гармонии // Opera Musicologica. 2018. № 4 (38).
40. Рачин Е. Миф о футболе. Размышления философа // Наш современник. 2011. № 2.
41. Ремезова И. И. На свете счастье есть: размышления о понятии «счастье» и его месте в жизни человека // Человек: образ и сущность. 2021. № 4 (48).
42. Рудакова С. В., Петров А. В., Цуркан В. В., Зайцева Т. Б., Регеци И., Молнар А., Дудля О. А., Жавнерович М. С. Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.: монография. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2022.
43. Симонян Н. П. Футбол – только ли игра? М.: Человек, 2018.
44. Соленкова А. М. Музыкальные термины как идеологемы (Советское время) // Актуальные проблемы языкознания. 2015. Т. 1.
45. Соловьёва С. В. Прогулка как феномен лёгкости бытия // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 2 (12).
46. Сундукова Е. В., Попов Д. А. Гайдай Л. как феномен русского кинематографа // Развитие личности средствами искусства: мат. VIII междунар. науч.-практ. конф. студентов, бакалавров, магистрантов и молодых учёных / под общ. ред. Ю. Ю. Андреевой, И. Э. Рахимбаевой. Саратов, 2021.
47. Убогий А. Ю. Словарь исчезнувших вещей // Наш современник. 2018. № 6.
48. Фёдоров А. В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. Изд-е 2-е. М.: Информация для всех, 2022.
49. Феномен утопии в общественном сознании и культуре: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН; отв. ред.-сост. С. А. Гудимова. М.: ИНИОН РАН, 2021.
50. Чередниченко Т. В. Брэнд-эстетика // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 1999. № 5.
51. Шелобаев В. В. Самостояние. М.: РОССПЭН, 2010.
52. Щёброва С. Я. Конструирование советской идентичности (на примере фильмов Э. Ишмухамедова «Нежность» и «Влюблённые») // Наука телевидения. 2020. Т. 16. № 4.

Информация об авторах | Author information

Козлов Сергей Алексеевич¹, д. ист. н.
¹ г. Москва

Kozlov Sergey Alekseevich¹, Dr
¹ Moscow

¹ sa-kozlov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.01.2023; опубликовано online (published online): 05.12.2023.

Ключевые слова (keywords): досоветская эпоха; советская эпоха; социокультурное понятие лёгкости бытия; русская культура XIX-XX вв; советская «лёгкость бытия»; pre-Soviet era; Soviet era; socio-cultural concept of the lightness of being; Russian culture of the 19th and the 20th century; Soviet “lightness of being”.